

* * *

Крестики-нолики – злая игра,
проигрыш не уследить...
Хочешь, не хочешь – идёшь со двора,
и начинаешь водить.
Воли небесной набраться? – изволь!
Свой не проспи Благовест.
Крест зачёркнёшь – и прибавиться ноль,
ноль – и прибавиться крест.
Купол небесный разбился окрест,
падает в ноги земля.
Новорождённый младенческий перст
тянет воронка нуля.
Вот и очнулся, пора – не пора:
жить, и следить, и верстать.
Время пришло – идёшь со двора,
и – начинаешь искать!
Свой золотой, свой предел, беспредел,
ключ, замыканье, провал.
Место, где можно блажить не у дел,
голос, который пропал.
Крестики-нолики, белая мгла,
Вдоволь всего и в обрез...
Только гудели бы колокола
В синие уши небес!

* * *

Это Бог или природа
это вечность или новь
это больше чем свобода
это больше чем любовь

это сладкая горчинка
от медового глотка
это пестик и тычинка
в невесомости цветка

это вылет из оконца
птицы взмывшей в небеса
это пляшущее солнце
в тонких спицах колеса

это счастье провиденья
это дух что вездесущ
это зыбкое паденье
райских яблок
с райских кущ

это ветер у порога
это белые листы
это крайняя дорога
это небо
это ты...

* * *

Зацепиться за фразу, за слово,
и на ровном споткнувшись, взлететь.
Оглядись - это снова обнова:
лихорадка, небесная клеть.

Оглядись – это новое стадо
облаков, это ветра поток.
Стены – стороны, больше не надо
над собою искать потолок.

Вот и солнце от ветра лучится.
Вот и дверь в никуда – постучись.
И уже ничего не случится.
Всё случится. Случились. Случись.

* * *

От сладостных речей – в гремучее злословье.
Играючи, примерь испанский сапожок.
Горят мои костры. Привет, средневековье!
Будь тающей, душа, и лёгкой, как снежок.

Сегодня – хорошо в значении: не больно.
Свободно и легко – в значении: конвой.
На кончике иглы – и ангелам привольно!
Подобие души – и женщине с лихвой!

Впадая в эту жизнь, как будто в предисловье,
Задумчиво кружи, от счастья умирай.
Гармония кругом, и – Данте в изголовье:
Чистилище весны, и восхождения – рай.

* * *

Господи! – Уйми меня.
Как ненужного ребёнка,
что мешает под ногами
вечным рёвом ни о чём...

Что мне сделать,
чтобы Ты
мне придумал наказание?
Может, яблоко в саду
мне сорвать,
забыв «нельзя»?!

ХРИСТОС И БЛУДНИЦА

Первая бросила камень,
не потому, что безгрешна, –
а потому, что...
любила
с первого взгляда *ЕГО*.

Первая бросила камень, –
не потому, что бездушна,
а потому, что хотела
ВМЕСТО блудницы стоять...

Первая бросила камень!
ОН поглядел, как не видел...
И окатило – до смерти
душу холодной волной.

...*Он* поглядел – как не видел...
Божьего царства – не надо!
И простонала: «*Ису-у-се...*
Камень... бросала... в Тебя!»

Все окружение – смолкло.
Камень висел неподвижно.
Камень лежал непреложно.
Так и не брошен никем.

Только в излучине неба,
в пересечении истин,
камень извечно в блудницу,
не долетая, летел.

Только стояла другая
вечно – пред замкнутым небом.
И повторяла: «*Ису-у-се!..*
Камень...
бросала...
в себя!..»

* * *

Буриданов мой ослик – желаний уставшая рать.
Как легко голодать, и до судного дня – выбирать.

Это сено сгорит – ты на вкус не узнаешь его.
Как легко быть собой, если рядом – уже никого.

Что направо пойти, что налево – потери кругом.
Так оставь – и себя, и охапки, и вещи, и дом.

Это сено сгорит, иль по ветру развеется в прах.
За черту-невидимку ступи, наступая на страх –

Прямо в синюю бездну – в горячую синюю степь!»
Как легко улетать в эту яркую белую слепь, –

За Икаром, с концами, – под кущи небесных олив.
Меж землёю и небом немыслимый выбор забыв.

* * *

Двери отворила, и споткнувшись,
безотказно отвечала стуку.
А сегодня, золота коснувшись, –
Горячо! -
отдёргиваешь руку.
Горячо...
И в сторону уносит
взгляд новорождённой недотроги.
Пусть никто и ничего не просит
перед одиночеством дороги.
И душой, проснувшейся и зрелой,
по суду земному не ответишь.
И толпы с камнями озверелой
просто не увидишь, не заметишь.
Пусть никто...
Но до озноба жарок
взгляд, огнём перекрестивший спину.
Среди бела дня – в руках огарок,
Возлюби счастливую купину.
Тяжелы небесные дороги.
Золото, мой свет неумолимый!
Как с пустыней сердца, да в чертоги?
Росчерк света: будь неопалимой...

* * *

Звонкая лазурь за облаками.
Ярче не бывает. В горле ком.
Что ты хочешь?
Голыми руками – да в костёр?
По снегу босиком?

Разуму и сердцу не внимая,
Позабыв, была иль не была,
Что ты хочешь? – Накануне мая,
Накануне света и тепла?

В облачный щемящий белый омут
Выплеснув всю душу, словно дурь, -
Сорвалась туда, где птицы тонут,
С головой – в поющую лазурь.

В послезимье – после безлюбовья
Вынырнув, как в эту синеву,
Что тебе пустыня послесловья?
Если было Слово наяву...

* * *

Верблюдица,
неужели не больно?
Ушко игольное маловато?
Голос внутренний говорит: довольно!
Ведь ты – горбата!
Дважды. А те кто пролез – нищи.
Истина старая, как заклинье:
Горб – такое обилие пищи!
Ты богата слишком. Сними платье.
Сними кожу. Душу отринь. Маловато?
Ушко игольное – просто манна
света... А ты всё равно богата –
Царство небесное не по карману.
Два горба, если судить непредвзято,
тем паче спереди – это уж слишком
по-женски... Грудь молоком чревата,
значит чревата любви излишком.
Верблюдица!
Мешает то горб, то кожа,
будто в храме – торговая лавка, –
об неё и споткнулась...
Мешает ложе
сну, а сытому волку – травка,
поедаемая овечкою – той самой...

Верблюдица,
перед ямой
ушка игольного стоять нелепо.
И уж поздно менять обличье.
Тяжеловесно, легко – шагни в небо.
Во всём величье.

* * *

Всё дальше... Горизонт – всё ближе и надёжней.
Всё дальше от себя, от облика, от слов.
Ещё немного вплавь, и влёт... поосторожней:
там справа – холмы лет, а слева – ямы снов.
Там солнечная спесь сменяется дождями
простыми, как *прости*, как *нечего сказать*...
И ночи не идут, как водится за днями,
точней – светлы как дни, в толпе – не распознать.
За кладбищем надежд – тропинкой семивёрстной
до самых до небес всё лесом, а потом
безлесье тишины. Потом - за мукой крестной
немного вниз. Потом... там путь уже знаком.
И будут позади овраги безлюбовья,
и небыль подойдёт так призрачно и въявь,
что душу поведёт от нового приволья,
оставь её... отправь, исправь, и снова – *правь*
её и ею... славь Творца исповедимо!
Но – не исповедим, как *светоносный лик*
твой отраженный блик, твой облик, отклик ... мимо
страшней всего пройти... в туман, в ту степь, в тупик,
где тускло. Там и тут... не трудно заблудиться,
да надобно... Давно прогулка по душе!
Всё дальше, всё туда, туда же – простудиться,
простыть, простить, просить. И – позабыть клише,
и душный долгий путь, и душную обитель.
И под лучистый душ подставиться легко.
Немного вплавь и влёт. А там уже Спаситель.
Всё дальше... налегке... всё ближе... далеко!

* * *

«Завтра» трепетная несбыточность...
Что гадание: быть – не быть?
Если узкое «голод-сытость» –
на весах твоего «забыть».

Если бытом тебя завалит,
тело брось и окно разбей –
там дорога, где солнцем залит
будет внутренний твой «плебей».

Пребывая в запретной коме,
и заоблачный зря ОВИР,
- Не от мира сего? – так вспомни,
то, плакатное: «Миру – мир!»

Вспомни завтра твоё сегодня,
и – немудрые вечера.
Как саднящая стрелка-сводня
время, конченное вчера.

Сроки выйдут, как милость Божья!
Горизонт пропадёт вдали –
в календарное бездорожье,
где сползают часы Дали...

завтра.

* * *

Лучше не бывает
не бывает легче
и собака лает
где-то недалече

Сердце тихо бьется
рыбою на суше
будто бы смеётся
не бывает лучше

В захолустье злачном
травы жгут как свечи
в ожиданье дачном
ночи и Предтечи

Облако стекает
падает на плечи
лучше не бывает
не бывает легче.

* * *

В остывающем вулкане
лава медленная спит.
А потом в небесном клане
красным облаком горит.

Бурю горькую в стакане
завари – и успокой.
И у слова на аркане
громким шёпотом воспой.

И в неволе, как на воле,
одинокоству сродни,
в потухающем глаголе
вспыхнут звуки, как огни.

Круг чем шире, тем короче
у небесного раба.
С заключённым слова *Отче*
что поделаешь, судьба?

Чем дешевле, тем дороже
жизнь продаст его, деля.
С облачённым в слово *Боже*
что поделаешь, земля?